

МЕЖДУ РОКОМ И ВИВАЛЬДИ

Испытать потрясение от музыки? В наше время? Да, это возможно. Если речь идет о потрясении духовном, затрагивающем нечто существенное, глубинное в человеке, обращающем его внутренний взор к самым сложным и загадочным явлениям истории и бытия. И вот представьте, что лучшие качества музыки высокого симфонического жанра помножены на известный романский сюжет «Мастера и Маргариты» Булгакова. Помножены с такой степенью естественности и достоверности, что вы буквально в каждом звучащем такте открываете черты этого истинно «московского» и в то же время «вселенского» романа: вечную жизнь, кипящую на краю бездны между вдохновением и падением, между казнью и наслаждением...

Удивительную музыку создал по прочтении этого произведения ленинградский композитор Андрей Петров, назвав ее симфонией-фантазией. Несмотря на весь ее современный облик (складывающийся средствами современного симфонического оркестра в сочетании с музыкой магнитофонной и электронной), она возрождает к новой жизни ту драгоценную традицию романтического программного симфонизма, которую мы связываем с именами Берлиоза, Листа, Чайковского.

Композитор, чьи многочисленные произведения в жанрах музыкального театра, эстрады и кино широко известны и любимы, откликнувшись на зов времени, создал симфоническую партитуру, драматургически богатую (ничуть не «унижающую» литературный первоисточник) и в то же время — живую, ярко эмоциональную, демократичную. Не случайно на музыку этой симфонии в расширенном варианте хореограф Борис Эйфман поставил балет, премьера которого в Москве принесла его создателям настоящий успех.

С разговора об этом интересном произведении и началась наша беседа с народным артистом СССР Андреем Петровым.

— Должен признаться, — сказал он, — когда создавалась симфония-фантазия, о музыкальном театре я не только не думал, а отдыхал от него. Так случилось, что почти пятнадцать последних лет опера и балет были моими основными жанрами. Примерно раз в три с половиной года появлялись новые крупные работы: «Сотворение мира», «Петр I», «Пушкин», «Маяковский», которые

были поставлены в Ленинграде, в других городах и за рубежом. Это был большой период увлечения музыкальным театром.

Но вот я снова обратился к симфонической музыке, которую писал и раньше. Когда Борис Эйфман услышал эту музыку, он сразу предложил мне писать балет. Вначале я не хотел этого делать, но балетмейстер уговорил, и я стал достраивать свое симфоническое здание с обеих сторон, стараясь по возможности сохранить первоначальный замысел.

— Обращаясь к сюжетам прошлого, композиторы нередко ищут сопереживания с музыкальными стилями более ранних эпох. Какие романтические миры вас вдохновляли? Ведь в музыке «Мастера и Маргариты» немало романских, мелодраматических интонаций.

— Все рождалось почти интуитивно, если не считать одного момента. В моем сознании как-то отделилось, что одним из любимых произведений Булгакова был «Фауст» — не только Гете, но и Гуно. Помните, в «Белой гвардии», в доме Турбиных на рояле стоял клавишник оперы «Фауст»? Булгаков очень любил эту музыку. Вот через эту оперу я каким-то образом и «пропустил» мир Булгакова и его героев. А вообще в основе программы симфонии-фантазии лежит не почтенная классика, а произведение, которое волнует людей сегодня, воспринимается как современное.

— А какие жанры считаете вы наиболее перспективными для контакта со слушателями?

— Если говорить о серьезной музыке — это те вещи, в основе которых лежит программное начало. Представьте себе, например, музыкальное сочинение на темы романа «Плаха» Чингиза Айтматова. Сама тема стала бы огромным стимулом для контакта... Другого рода стимулом может явиться фигура интересного исполнителя. Для меня, например, очень важным было сотрудничество с замечательным скрипачом Борисом Гутниковым. Сейчас наметился очень интересный контакт с юным скрипачом из Новосибирска Максимом Венгеровым. Знаете, я с удивлением и радостью наблюдаю, как мой скрипичный концерт «растет» вместе с юным скрипачом, с развитием его таланта.

— А как вы относитесь к рок-музыке, о которой в последнее время столько дискутируют?

— Думаю, правильнее говорить не «рок-музыка», а

«рок-культура». Почему? Это же целая философия — особая манера поведения, образ жизни — все объединяется в единое целое. Мне кажется, противопоставлять или ставить рядом рок-культуру и классическую музыку — бессмысленное занятие. Проблема заключается в том, чтобы, отвергая рок-искусство, разобраться внутри него самого. Ведь есть в этом жанре представители высокого класса, но есть и стоящие за пределами искусства вообще. Люди искусства не должны отталкивать друг друга. И, конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы одно искусство претендовало на место другого.

— В Ленинграде делаются попытки сблизить разные аудитории: организовываются диспуты вокруг рок-культуры, экспериментальные концерты, в которых соединяются классика и «рок». Что вы об этом думаете?

— Мне удалось побывать на одном из первых таких концертов, где в четырехтысячной аудитории выступал оркестр старинной музыки вместе с рок-группой «Аквариум». Таких экспериментальных концертов, где звучали Бах, Вивальди и музыка «Аквариума», в Ленинграде прошло двенадцать. И молниеносно весть о них разнеслась повсюду, на них устремились молодежь. Но, разумеется, это не единственный путь приобщения людей к классике.

Время диктует совершенно новые формы концертной жизни, в частности проведение фестивалей советской музыки. Наши концерты должны быть составлены только из произведений выдающихся мастеров последних лет. Уверен, пужно смелее соединять в концертах музыку народную, фольклорную, классическую и советскую. И, конечно, «серьезная» музыка должна как можно естественнее соседствовать с музыкой «легкой». Необходимо укреплять демократические контакты с аудиторией.

— Что же нового в этом роде планирует Ленинградская организация Союза композиторов?

— Скажем, День открытых дверей, о котором мы уже говорили с Ленинградским телевидением. В этот день к нам, в Дом композиторов на улице Герцена, сможет не только прийти каждый, кто хотел бы пообщаться с композиторами, но и позвонить по телефону, чтобы получить любую справку, информацию, а телевидение будет давать прямую трансляцию. Это может стать очень важной формой общения, более широкого

диалога со слушателями. Нам интересно знать все, что думают наши современники о музыке. И не только о музыке, но и о смежных искусствах, явлениях культуры.

Нам важно представить себе слушателя не абстрактного, а реального, который активно хочет с нами общаться. Это поможет нам серьезнее анализировать свою деятельность, дать себе отчет в тех успехах и кризисных явлениях, от которых страдают сегодня престиж и социальная значимость большого искусства.

— Относится ли это «отставание» и советской профессиональной песне?

— Недавно в Ленинграде прошел конкурс исполнителей современной песни, в котором участвовало четыреста представителей. Скорее из любопытства я согласился быть председателем жюри. В финал конкурса вышли, можно сказать, все направления: от представителей традиционного исполнительства советской песни до «металлистов». Признаться, ярких талантов мы не увидели, было много вещей невысокого вкуса. Однако рок-группы и барды привлекли всеобщее внимание обращением к самым актуальным, социально заостренным темам. Отдавая должное мелодическому богатству, вкусу и профессионализму наших композиторов, невольно понимаешь, как не хватает порой социальной остроты, актуальности и публицистичности нашей современной профессиональной песне.

— Андрей Павлович, сейчас — время смелых идей и не менее смелых действий. Мы с надеждой смотрим на ленинградских музыкантов, на их творческие и общественные дерзания... Есть ли у вас как у композитора и лидера ленинградских музыкантов мечта, которая в наши дни может стать реальностью?

— Все начинается с детства. И очень важно, чтобы у детей был свой театр. Увлекательное зрелище, мир сказки, музыки, театрального волшебства, мир первых детских опер и балетов — это закладывается на всю жизнь. Высокохудожественный музыкальный детский театр, руководимый энтузиастами и мастерами своего дела, может сделать больше, чем долгие занятия с педагогами и воспитателями. К сожалению, у нас в стране пока только два таких театра — в Москве и Киеве. Вот мне и мечтается: хорошо, если бы музыкальный театр получила и детвора Ленинграда...

Беседу вел
Тамара
ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.